

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА:

Культура. — 2003. —
21-27 авг. — с. 12

Вся жизнь как сон

Она родилась, чтобы удивлять мир своим божественным голосом. И делает это с неукротимой энергией и поразительным шармом уже сорок лет. Учит еще мастерству молодежь в России, Испании, США, Японии... И устраивает в Санкт-Петербурге Международные конкурсы молодых оперных певцов. Накануне третьего уже конкурса мы беседовали с Еленой ОБРАЗЦОВОЙ в ее московском доме на Патриарших прудах в присутствии дочери Елены Макаровой и Карменситы — пуделя, которого подарили Образцовой артисты Театра Романа Виктюка, где она играет главную героиню в пьесе "Антонио фон Эльба" и репетирует еще в двух — "Не стреляйте в маму" и "Венера в мехах".

— Был ли момент в вашей жизни, когда вы могли воскликнуть: "Остановись, мгновенье, ты прекрасно!"?

— Много раз. Самый сильный, пожалуй, когда меня приняли в Ленинградскую консерваторию. Чувствовала себя счастливейшей на всем белом свете...

— А когда вы сами могли бы поставить себе высший балл?

— Пожалуй, за дебют в Метрополитен-опере в "Аиде" в 1976 году. Публика устроила мне после "Судилища" 15-минутную овацию, все встало. Совсем недавно о том спектакле напомнил мне Дмитрий Хворостовский. Он позвонил из Нью-Йорка и признался, что плачет, слушая запись той "Аиды" на CD. И прислал его мне в Москву. В последнее время на Западе вышло много дисков с моим участием. Назову три — как высшие моменты карьеры. Это "Вертер" в Ла Скала, где я пела Шарлотту с Альфредо Краусом. Вердиевский "Реквием" с Лучано Паваротти, Миреллой Френи, Николаем Ягуровым и дирижером Клаудио Аббадо. Он звучал в миланской церкви Сан Марко. Таких оваций я не слышала больше никогда. И "Трубадур" в Сан-Франциско с Лучано Паваротти, Джоан Сазерленд, Ингваром Викслом и дирижером Ричардом Бонингом.

— Кто-нибудь предсказывал вам такую блистательную карьеру?

— Никто. И поэтому вся жизнь, как сон.

— Когда вы почувствовали, что голос у вас особенный?

— Никогда не чувствовала и сейчас не чувствую.

— Что осталось в памяти от дебюта в Большом театре 17 декабря 1963 года в партии Марины Мнишек?

— Один страх. Не хотела выходить из кулис. Все думала, ну зачем эта сцена у фонтана, опера и без нее хороша... Но папы подхватили меня под ручки и вывели насильно на сцену.

— Чувство страха скоро прошло?

— Нет. Я всегда с волнением выхожу на сцену.

— И каждый раз с вдохновением?

— Прошу об этом у Боженьки. Когда приходит вдохновение, однако не так часто, как хотелось бы, все идет как по маслу, голос льется легко и свободно. Вообще, для меня важен первый выход. Сразу, при первом появлении, я должна "взять" зрительный зал. Поэтому всегда выхожу властно и страстно.

— Желая, Елена Васильевна, чтобы вдохновение пришло к вам, когда вы снова будете петь свою Марину Мнишек на сцене Большого театра — 17 декабря 2003 года. А каковы главные события этого года, посвященного сорокалетию вашей сценической жизни?

— Концерты с Вахжей Чава. Спектакль Вашингтонской оперы "Летучая мышь", где я буду князем Орловским. В первый раз исполню мужскую партию, да еще на английском языке. В сцене бала будем с Пласидо Доминго петь 4-й акт из "Кармен". 22 декабря — джазовая программа с Игорем Бутманом в Большом зале Петербургской филармонии. Это тоже впервые. В Нью-Йоркском Карнеги-холл меня ждет партия Слепой в "Джоконде" Понкьелли. Запланированы туры по России и Японии, спектакли в Большом...

— Вы были еще на третьем курсе консерватории, когда вас пригласили в Большой театр. Что предшествовало этому событию?

— Я училась на втором курсе, когда увидела в консерватории объявление о конкурсе вокалистов на Международном молодежном фестивале в Хельсинки и решила туда ехать. В жюри была Галина Павловна Вишневецкая. По программе нужно было спеть романс, которого у меня не было, и она попросила Ростроповича разучить со мной "Я жду тебя" Рахманинова. Работали мы ночью. Это незабываемо! Когда исполняю этот романс, всегда думаю о Мстиславе Леопольдовиче. В Хельсинки я получила свою первую золотую медаль. В шестьдесят втором году пела в Москве, на Конкурсе Глинки. И снова в жюри Вишневецкая. Я выиграла, но победа далась нелегко. Конкурс был на редкость голосистым. Выступали Ирина Богачева, Владимир Атлантов, Юрий Мазурок... Вернулась в Ленинград. И вдруг получаю телеграмму от Павла Герасимовича Лисицына с приглашением приехать на прослушивание в Большой театр. На этом, думаю, настояла тоже Галина Павловна. Консерваторию я заканчивала уже экстерном.

— Жаль, что судьба развела вас с Вишневецкой.

— Галина Павловна — очень талантливая женщина. Мы любили друг друга. Когда она писала свою книгу "Галина", душа ее, видимо, была израна. Ее можно понять.

— Встречались с ней в последние годы?

— Нет. Однако у нас непрерываемая связь через Маквалу Касрашвили, которая дружит и с Вишневецкой, и со мной. И поэтому мы друг о друге знаем.

— Касрашвили — уникальная личность. У нее не только редчайший голос, но и золотое сердце. Недавно она сказала, что вы, Елена Васильевна, — первая русская оперная певица, которая преподнесла всему миру высокий уровень отечественной певческой культуры. А как вышли на мировую сцену?

— В Большом театре, когда меня туда приняли, были сильные меццо-сопрановые голоса. Пробыться было трудно. Случилось так, что во время гастролей труппы в Париже Ирина Архипова не смогла вовремя прилететь к спектаклю "Борис Годунов", и мне выпало петь Марину Мнишек. А наутро я проснулась, как говорится, знаменитой. Газеты вышли с моими портретами и восторженными статьями. Тогда-то 80-летний Соломон Юрок, великий импресарио, и обратил на меня внимание и стал работать со мной. К сожалению, он вскоре умер. И я осталась одна, много работала в лучших театрах мира, с лучшими дирижерами и певцами. В дружеских отношениях я и с Пласидо Доминго, мы с ним спели почти все оперы, и с Хосе Каррерасом, и с Лучано Паваротти, Миреллой Френи, и с Ренатой Скотто, Джоан Сазерленд, Монсеррат Кабалье... У меня контактный характер. Ни с кем не ссорилась, никому не завидовала.

— Но вы не смогли бы все это осуществить без поддержки тогдашней Советской власти?

— Конечно. Меня поддерживал министр культуры Петр Нилевич Демичев. Он обладал редким чутьем на талант, все, кого он отметил, добились признания. Любила меня и Ека-

Е.Образцова

терина Алексеевна Фурцева. Я тогда вела борьбу за исполнение в России опер на языке оригинала, но меня за это ругали. Вмешалась Фурцева и сказала: "Оставьте Образцову в покое, она знает, что делает". Алексей Николаевич Косыгин всегда приходил на мою "Кармен".

— Сейчас на наших экранах идет фильм Франко Дзеффирелли "Каллас навсегда". Фанни Ардан, исполнительница главной роли, считает, что Дзеффирелли, а ему тоже уже 80 лет, сделал фильм об одиночестве таланта, о его неуверенности в себе.

— Правильно. Все ждут от нас чего-то особенного. Но мы такие же, как остальные люди. И чаще всего — одинокие. Так же страдаем, любим, негодуем. Все мы ранимы, уязвимы. От нас ждут откровений, но не всегда же Господь дает их. И — вечная работа, вечное сомнение, вечная тревога.

— Встречались с Марией Каллас?

— Была только одна потрясающая встреча в Париже в Гранд-Опера в 1969 году, во время гастролей там Большого театра. Я опоздала к началу "Евгения Онегина", и меня посадили в центральную ложу. Села рядом с какой-то женщиной. На ней было накинута, как мне показалось, что-то из кролика. Импресарио нас знакомит: Мария Каллас, Елена Образцова... Кролик оказался шиншиллой, но об этом мехе я узнала позже. У Каллас были гладко причесанные волосы, сзади пучок. Когда наши колени соприкоснулись, я почувствовала ток. После этого Каллас начала вдруг говорить — уже не останавливаясь всю оперу — про свою жизнь и любовь к Онассису. Хорошо, что я знала французский. После спектакля мы пошли на сцену поздравить артистов. А потом она сказала, что не хочет меня отпускать, и предложила поехать к "Максиму". Почему она захотела быть со мной? Для меня было удивительно. Всю ночь мы просидели вдвоем в ресторане. Я не успевала открывать рот. Обжигаящая откровенность! Вернулась домой часов в шесть утра...

— Читала, что тембр ее голоса не был выдающимся. Так ли это?

— Каллас — гениальный музыкант. Не знаю никого, кто так, как она, чувствовал бы форму, фразу, окраску звука. Немногие понимали ее врожденное таинственное качество — ту гениальную "неправильность", которая и делала ее неповторимой. Меня тоже некоторые критики порицают за грудные ноты, но это же моя природа, моя суть.

— Вы производите впечатление могучей натуры, уверенной в себе. Откуда это?

— В детстве я была замкнутой, стыдливой девочкой. Дружила с мальчишками. Не могла раздеваться даже при девочках. Боялась отца. Он был требовательный, а я — послушная дочка. Мне говорили, что в девять вечера должна быть дома, и я бросала любые компании. А откуда эта сила во мне? Думаю, это война, блокада, подвиг ленинградцев. Красота города, его архитектура, Нева, море... Все вместе непостижимым образом проникает в голос и музыку. Много езжу по миру и чувствую, что я очень русская...

— Вам в жизни делали множество комплиментов. Но есть что-то особенное, что греет душу?

— Все дороги. Франко Дзеффирелли считал меня самой замечательной подругой и непревзойденной сумасшедшей. Клаудио Аббадо — называл "животное сцены". Герберт фон Караян писал, что я все выражаю своим голосом, прекрасным и диким. Они говорили не о технике пения, а о том диком потоке, который во мне живет. Я ощущаю в себе натуру, неотделимую от земли, от ветра, от солнца, от океана. Это как раз то, что во мне бурлит и выливается наружу в спектаклях и концертах.

— Вы всегда говорите, что мы живем тогда, когда любим.

— Если человек не любит, он тихо уходит. Любовь дает потенцию к жизни, к восприятию природы, к нежности, страсти. Ключ ко всему. И неважно — любить мужчину или ребенка, природу или собаку. И надо любить в себе сохранять. И желание жить сохранять. Человек живет до тех пор, пока разрешает себе жить и пока занят своим делом.

— Какие цветы любите?

— Как-то прочитала у Петра Ильича Чайковского, что ландыши напоминают ему женские челлики. И с тех пор полюбила эти цветы и даже написала про них стихотворение.

— Ваш любимый поэт?

— Ахматова. Обожаю ее с юности. А понять смогла не так давно — лет двадцать назад. Анна Андреевна навсегда поселилась в моей душе, когда я ощутила, что люблю по-настоящему. Мне открылось, что мы любили с ней одинаково. Когда читаю ее стихи, кажется, что писала их я сама, и мне не хотелось бы ни одной строчки исправить. В ахматовском "Реквиеме" есть строки: "А если когда-нибудь в этой стране Воздвигнут задумают памятник мне, Согласье на это даю торжественно..." Анна Андреевна хотела, чтобы памятник был поставлен у Большого дома, "...здесь, где стояла я триста часов и где для меня не открыли засов", чтобы передать восточку сыну в тюрьму.

И у меня возникла мечта осуществить это желание поэта. Как-то я познакомилась в Вашингтоне со скульптором Петром Шапиро. Его бюст Бетховена украшает Бетховенский зал Большого театра. И заказала ему бронзовый бюст Анны Андреевны. Петр нашел ее рисунки, фотографии. И дней двадцать, часа по три, я проводила в его студии, обсуждая проект. Бюст готов. Он у меня дома в Петербурге. Надеюсь, власти города дадут разрешение поставить памятник там, где хотела сама Ахматова.

— Анна Андреевна писала: "Я научилась просто, мудро жить, Смотреть на небо и молиться Богу...". Научились мудро жить?

— Абсолютно. Принимаю все горести, которые Господь мне дает. Он посылает всем нам всякие испытания и смотрит, как мы выходим из них. Думаю, что мы каждый день сдаем экзамен Господу. Надеюсь, что сдаю его хорошо.

— Кому поклоняетесь в жизни?

— Никому, кроме Господа Бога. Хожу в церковь с радостью, душа у меня здесь словно раскрывается. Видела в церкви многих, кто там, наоборот, зажимается.

— Родители верующие?

— Нет. Бабушка пела в церковном хоре. Папина сестра Анастасия Алексеевна была набожной. Эти женщины и воспитали меня в вере. А папа был истинным коммунистом, он верил, что страна построит справедливое общество. Работал сутками. Он был хорошим конструктором по тяжелому машиностроению. Если Сталин говорил, что турбину нужно сдать к маю месяцу, он понимал это буквально. И трудился во имя любви к людям. Привил это и мне. Но верующим не был. А мамочка пришла к Богу, когда стала уже болеть.

— Ваша дочь Елена верующая?

— Ну а как же!

— Не жалеете о том времени, когда служил ваш отец?

— Ни одной минуты. В Советском Союзе, конечно, было много хорошего. Но и много пагубного. У людей отняли возможность мыслить. Этим занимались лишь пять — десять человек. Они-то и заставляли думать в растерянности, не знали, как жить, как зарабатывать деньги... Прошло всего несколько лет, и страна изменилась. Все почувствовали себя свободными. Смогли ездить по планете. Обмениваться с миром опытом. Когда варишься в собственном соку — развития нет. Возьмите оперное искусство. Вокалисты сидели за железным занавесом, не знали мировых стандартов, того уровня, к которому надо стремиться, хотя у нас и были великолепные голоса.

— Вы живете в головокружительном темпе и не снижаете его. Меняете жанры, языки, страны. Чем сегодня увлечены?

— Верно, всю жизнь работаю безумно, у меня расписано все по минутам. Каждый день думаю, что надо сдерживать себя, но не получается. Счастлива, что Господь дал мне возможность петь так долго. Когда подписываю контракты на 2006 год, то говорю их авторам: "Вы, наверное, думаете, что я Кашей Бессмертной?" У меня есть страстное желание спеть еще много новых программ. И жажда деятельности не оставляет меня. Реконструирую на свои деньги прекрасное помещение в Петербурге, на Невском, 65, предоставленное мне для Музыкального центра. Хочу приносить пользу русским певцам здесь, в России, приглашать западных друзей вести у нас мастер-классы. Лужков обещал выделить для такого же центра помещение в Москве. Буду его делать, но не на свои деньги. Кстати, миллиона три долларов за свою творческую жизнь я своей стране все же привезла.

— Коль заговорили о материальном, что помогало составить бюджет Третьего Международного конкурса?

— Люди, не имеющие к культуре прямого отношения. Я в третий раз обращалась в Министерство культуры с просьбой помочь с нотами, сняты за наши же деньги нужные в Петербурге зал. Но слышала одни обещания. А затем — глухое молчание.

— Как складывается судьба призеров первых двух ваших петербургских конкурсов?

— Елена Семенова, Любовь Петрова и Марина Поплавская, Дмитрий Царегородцев, Ильдар Абдразаков, Айк Мартиросян, Михаил Казаков, Даниил Штода и другие наши лауреаты пошли в большую музыкальную жизнь, поют — кто в Большом и Мариинском театрах, кто в Ла Скала, Мет, Ковент-Гарден...

— Какая награда ждет победителя Третьего конкурса?

— Возможность выступить на сцене Большого театра.

